
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АННА СОРОКА
ИЗМЕНА ЖЕНИХА.
Ты пригласил меня
на годовщину своей свадьбы
с другой!

Анна Сорока
Марина Ветрова

Измена жениха. Ты пригласил меня на годовщину своей свадьбы с другой!

https://litres.ru/74702264
SelfPub; 2026

Аннотация

Я летела в Маскат к жениху, чтобы наконец сыграть нашу свадьбу. Но прямо в самолёте получила приглашение на годовщину его брака с другой женщиной!

Восемь месяцев подготовки, одиннадцать подписанных документов и вся моя любовь оказались частью чужой аферы.

Игорь не просто обманул меня: он уже протянул руки к моим деньгам.

В чужой стране я осталась одна против его связей и лжи. Пока не встретила Тарика — властного управляющего, способного уничтожить карьеру предателя одним решением.

Он предлагает защиту, но привык ставить условия.

Я больше не собираюсь быть удобной невестой. Особенно когда на кону моя свобода и настоящая любовь.

Моя новая жизнь.

Содержание

Глава 1. Конверт раньше меня 4
Глава 2. Годовщина без невесты 9
Глава 3. Карты, билет, человек 17
Глава 4. Ультиматум Тарика 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Марина Ветрова, Анна Сорока Измена жениха. Ты пригласил меня на годовщину своей свадьбы с другой!

Глава 1. Конверт раньше меня

Самолёт висел над Оманом, и за иллюминатором уже светилось утро — розовое, чистое, слишком красивое для того, что должно было случиться со мной через сорок минут.

Я привела себя в порядок ещё во Франкфурте: холодный душ в зале ожидания, свежая блузка, помада — не красная, а слива, «для переговоров и поцелуев», как говорила Оксана. Восемь месяцев мы с Игорем готовили эту свадьбу. Восемь месяцев я жила в таблицах, сметах и в его голосе по ночам: «Нин, ну кто, кроме тебя, устроит арабам свадьбу века? Прилетай, посмотрим площадку, заодно и обвенчаемся там же — я всё оформил, ты только подпишешь пару бумаг по

приезде».

Пару бумаг. Я подписала одиннадцать. Доверенности, поручительства, согласия на соучредительство — всё по его просьбе, всё по любви, всё по доверенности, заверенной где-то в Лондоне консульством, о существовании которого я узнала из его же писем.

Стюардесса остановилась у моего ряда. Не с тележкой — с белым конвертом, плотным, с золотым тиснением.

— Мисс? Вас просят передать. Сказали — обязательно до посадки.

— Кто попросил?

— Мне не сказали, простите.

Конверт пах оудом — тяжёлым, смолистым, как витрины восточных рынков. Я повертела его в руках. Плотная бумага, дорогая, атласная лента. Свадебные атрибуты я знаю на ощупь лучше, чем собственные ладони: двенадцать лет в профессии, четыреста три свадьбы от Лиссабона до Дубая.

Развязала ленту. Внутри — плотный карточный лист.

Пригласительное.

Золотые буквы, арабская вязь и строка по-английски... нет, эту строку я прочла мгновенно, как читают собственный приговор.

«С радостью приглашаем вас на празднование первой годовщины свадьбы Игоря Савельева и Мариам аль-Балуси».

Дата. Адрес — вилла в Аль-Кувейре, прибрежный квартал, тридцать минут от аэропорта.

Сегодняшняя дата.

Я перечитала. Потом ещё раз. Потом перевернула карточку — и меня вывернуло наизнанку, тихо, без звука, просто желудок сжался в кулак.

С обратной стороны были фотографии. Три штуки, глянцевые. Игорь — мой Игорь, с той самой родинкой над губой, которую я целовала через видеосвязь восемь месяцев, — в белом национальном одеянии, с золотым кинжалом на поясе. Рядом — девушка в белом, двадцать с небольшим, тёмные волосы, испуганные глаза. Первый снимок: они у стола росписи. Второй: свадебный торт, двухъярусный, с фигурками. Третий — крупный план рук: обручальное кольцо на его пальце.

Годовщина. Первая годовщина. Значит, свадьба была год назад.

Год назад я копала зимний сад для свадьбы в Ницце и писала ему: «Скучаю, скоро увидимся». Он отвечал: «Ты моя единственная, Нин. Терпение — я готовлю тебе такой подарок, что ты упадёшь».

Подарок лежал у меня на коленях. Плотная бумага, золотое тиснение, лента атласная.

Я подняла глаза. Стюардесса уже ушла. Сосед справа дремал, приоткрыв рот. Никто в этом самолёте не знал, что у меня в руках разорвана целая жизнь — аккуратно, по линии сгиба, как диагональ на открытке.

Руки у меня не дрожали. Это я отметила с профессио-

нальным удивлением: четыреста свадеб, триста разрывов на их фоне — я видела, как невесты ревут в дамских комнатах, как женихи исчезают через пожарные выходы. Дрожь — для тех, у кого есть время дрожать.

У меня времени не было. У меня была дата, пересёкшая границу раньше меня.

Значит, пригласительное напечатали здесь. Значит, кто-то хотел, чтобы оно догнало мой борт. Кто-то знал мой рейс, моё место, мой статус — и всё равно выбрал самолёт, замкнутое пространство, из которого я не могу выйти сорок минут.

Не приветственный компот. Это была демонстрация. Кто-то хотел, чтобы я вошла в Маскат уже зная.

Я сложила пригласительное, спрятала в сумку — под паспорт, символично, — и достала телефон. Семь пропущенных от Игоря за ночь. Восемнадцать сообщений: «Приземлилась?», «Встречу сам, жди у выхода», «Люблю тебя, железная моя».

Железная моя. Я усмехнулась — вслух, странно, некрасиво. Сосед-дремавший приоткрыл глаз.

— Всё в порядке? — спросил он по-английски, с лёгким акцентом.

— Отлично, — сказала я. — Сегодня годовщина у знакомых. Пойду поздравлю.

Самолёт пошёл на снижение. Маскат разворачивался под крылом — белые стены, бирюза залива, горы цвета запечён-

ного молока, пальмовые ряды. Красивый город. Я приехала сюда когда-то в двадцать три, на свадьбу дочери султанского министра, и запомнила его как город, где всё делается медленно и с достоинством: кофе, решения, обиды.

Сейчас я собиралась нарушить это правило. Собиралась войти на чужую годовщину и узнать у моего жениха — лицом к лицу — какую из двух своих свадеб он считает настоящей.

Колёса коснулись полосы. Пассажиры зааплодировали — здесь любят аплодировать посадке, и в первый мой прилёт это меня трогало.

Теперь у меня в сумке, под паспортом, лежал белый конверт, и аплодисменты казались овацией в мою честь — на сцену выходит женщина, которой приготовили самый дорогой подарок в её карьере.

Роль жертвы. Сценарий чужой. Режиссёр неизвестен.

Но, как любила говорить моя первая наставница, тётя Роза с Гагарина: «Ниночка, если спектакль чужой — значит, сцену не отдали. Иди и занимай».

Я застегнула сумку и пошла занимать.

Глава 2. Годовщина без невесты

Вилла в Аль-Кувейре дышала деньгами, но не своими. Я поняла это ещё от такси: ворота литые, сад поливной, — а флагшток пуст, и на дверном молотке дешёвая наклейка спутниковой компании. Аренда. Игорь всегда арендовал красивое и обещал купить.

У ворот стоял араб с планшетом — свадебный распорядитель, узнаётся по гарнитуре и осанке, как военный.

— Пригласительное, пожалуйста.

Я протянула белый конверт. Он глянул, глянул на меня — и что-то в лице у него дрогнуло: не каждый день на годовщину приходит женщина с пригласительным и лицом распорядителя на собственные похороны.

— Вы... из семьи аль-Балуси?

— Я из семьи Савельева, — сказала я. — Со стороны жениха.

Он посторонился. Профессиональная солидарность: распорядитель распорядителя видит издалека.

Сад был украшен на пятьдесят гостей, и украшен — я отметила с холодной злостью — добротно, но без души. Гирлянды ламп, столы под навесами, сцена для музыкантов. Чужой подрядчик, не местные, тенты сшиты на широкую руку. Игорь экономил. На годовщине жены, на которой я была невестой, Игорь экономил.

Гости — человек сорок — сидели кучками. Женщины в чёрных абайях с золотом, мужчины в белом. Дети гоняли мяч у бассейна, и одна девочка, лет шести, увидела меня и замерла с мячом в руках.

— Ты кто? — спросила она по-арабски.

Я поняла по интонации.

— Гостья, — сказала я и улыбнулась. — С юбилеем вас всех.

Меня это, между прочим, развеселило. Слабо, на донышке, но развеселило: я стояла на годовщине собственной измены и поздравляла детей.

Торт я увидела издалека. Двухъярусный, белый, с золотом — и с надписью по-русски, кривовато, явно заказывали у местного кондитера по распечатке: «Игорь и Мариам. Год вместе».

Год вместе. Я подошла к столу и прочитала надпись дважды. Затем тронула пальцем мастику — свежая, значит, делали вчера. Кто-то вложил в этот торт часы работы, и никто из этих часов не догадывался, что «Игорь» — человек, у которого в лондонской квартире висит фотография другой женщины. Моей.

— Вы мне нужный человек, — сказал за спиной голос, и я обернулась.

Худой мужчина лет тридцати, европейское лицо, потный лоб, гарнитура. Свадебный фотограф.

— Сфотографировать вас у торта? Хороший кадр, свет

удачный.

— Нет, — сказала я. — Свет мне не нужен. Мне нужен хозяин дома. Он где?

— Игорь? На кухне, помогает с подачей. Хозяин дома — это вообще-то ещё вопрос, дом снимает...

— Спасибо.

Кухня в арабском доме — полутёмное помещение позади сцены, длинный стол, вёсла-лопатки, повара в белом. Я вошла без стука — двенадцать лет в профессии приучили: на кухню входят как в операционную, быстро и по делу.

Игорь стоял у дальнего стола, в светлом льняном пиджаке, и резал лайм. Он стал строже, чем на моей последней видеосвязи, — скулы, короткая стрижка, дорогие часы. Рядом с ним, на низком стульчике, сидела девушка в белом, Мариам с фотографии, и подавала ему дольки. Молча. Быстро. Как подают, когда боятся не успеть.

— Нин, — сказал он. Даже не обернулся сначала. Узнал шаги — двенадцать лет, объединяет, ничего не поделаешь. Потом обернулся, и лицо у него сделало невозможное: сначала растерянность, потом усилие, потом — уверенная, широкая, отрепетированная улыбка. — Доехала! Смотри, какой город...

— Здравствуй, Игорь.

— Мариам, это Нина. Нина, это Мариам. Мы...

— Я знаю, кто вы, — сказала я ровно. — Я получила приглашение. Очень красивое. Атласная лента.

Повар у плиты перестал мешать. Все в кухне понимали язык, даже если делали вид, что нет.

— Нина, давай выйдем, — понизил голос Игорь. Он положил нож. Лайм докатился до края доски и упал. — Пойдём.

— Давай здесь, — сказала я. — Тут все свои. И, кстати, поздравляю с годовщиной. Кто выбирал надпись? «Год вместе» — звучит почти как отчёт для налоговой. Впрочем, ты всегда любил отчёты.

— Нина...

— Молчи. Я говорить буду. Я приехала по приглашению, которое не ты отправил, кстати — я проверила обратный адрес, это типография в Эр-Рувис, заказ на имя Халида ас-Саида, приятного вечера вашему партнёру. Приехала посмотреть на мою жизнь. Как она там, в аренде? Платишь вовремя?

Мариам встала со стула. Тихая, в белом, она отступила к стене, и я впервые увидела её лицо не на глянце, а вблизи — тонкое, испуганное, с обкусанными губами. Она смотрела не на Игоря. На меня. Так смотрят на того, кто громче тебя говорит то, что ты сама боишься шепнуть.

— Нина, — Игорь сделал шаг, взял меня за локоть. — Двадцать минут. Выйдем в сад, я всё объясню.

— Объясни сейчас. Одна фраза. Женщина, которую ты поцеловал полчаса назад на этой кухне, — кто она мне?

Он закрыл рот. Открыл. По нему было видно, как внутри идёт сортировка: какие варианты у него есть, какие из

них рабочие. Я смотрела на этот процесс двенадцать лет — и впервые смотрела снаружи.

— Формальность, — сказал он наконец. — Документы. Ради вида на жительство, ради контрактов. Здесь без местного статуса не дают входа в тендеры. Она даже не живёт со мной, это ничего не значит...

— Не значит, — согласилась я. — Как и мои одиннадцать подписей, верно?

Он замолчал на полуслове. И в этом молчании было всё.

Потому что я спросила не вдруг. Я спросила про подписи — и смотрела в лицо. Лицо ответило. Не удивлением — расчётом: как много она знает, как быстро отрежем.

— Какие подписи, Нина?

— Вот эти, — сказала я, и голос мой сел, — которые ты просил «по приезде». Залог квартиры, соучредительство, доверенности. Игорь. Что ты сделал с моей лондонской квартирой?

Он выдохнул и сделал то, что делал всегда в большом кризисе: взял телефон.

— Сейчас, дай я...

— Нет.

Я перехватила его руку. Телефон остался в моей ладони — простым, тёплым, включённым. Экран горел. Переписка открыта — с Халидом, вот этим самым, заказчиком пригласительного:

«Она в самолёте. Встречу, посажу в отель, бумаги активи-

руют завтра. После годовщины подписать с ней примирение, стандартная схема».

Последнее сообщение — от него, от Игоря, три часа назад:

«Готовь. Слабое место — билет. У неё одного обратного. Пусть посидит без денег, потом сама подпишет что угодно, лишь бы домой».

Я читала. Он стоял и смотрел, как я читаю. Не отнимал телефон — уже не было смысла.

— Я удалю, — сказал он почти ласково. — Нина, я всё удалю, мы просто поговорим.

— Ты уже удалил, — сказала я, листая выше. — Все мои письма за восемь месяцев. Целая переписка. Восемнадцать тысяч сообщений, Игорь, я считала как дура. Я сценарии тебе писала в два ночи. А ты меня стёр.

Мариам вышла из кухни боком, прижавшись к стене, — тень в белом. Я проводила её взглядом и вернулась к нему.

— Поздравляю с годовщиной, — сказала я. — Торт красивый. Надпись кривая, но торт красивый. Мы встретимся ещё, Игорь. Не сегодня. Я сейчас пойду к банкомату, сниму себя наличными из этой сказки, а завтра...

Кухня качнулась. Не в переносном смысле — качнулся пол, стены, свет. Так бывает, когда слишком резко встаёшь, только я сидела.

В прихожей, у зеркала в тяжёлой раме, я поймала своё отражение: блузка, слива-помада, осанка. Красивая женщина на чужом празднике.

Я достала карту и вставила её в банкомат в углу вестибюля, оттого что руки уже знали: надо что-то делать, руки должны делать.

«Операция отклонена».

Вторая карта. «Операция отклонена. Обратитесь в банк».

Третья — дебетовая, зарплатная, о которой знал только я и операционистка в отделении на Кенсингтон-роу.

«Операция отклонена. Средства заблокированы по заявлению клиента».

По заявлению клиента.

Я стояла в прихожей чужого дома, у зеркала, с тремя отклонёнными картами, и медленно, со всей ясностью, на которую была способна, складывала картинку: билет аннулирован. Деньги заморожены. Соучредительство, о котором я не знала. Долг, который висел на мне.

За моей спиной крикнул кто-то на арабском — радостно; там, в саду, играла музыка, стоял торт с кривой надписью, и праздник шёл своим чередом, не заметив, что из него только что вынесли одну невесту — вместе с мусором.

Я достала телефон и набрала Оксану. Три гудка.

— Нин! Ты приземлилась? Как он, как город, ты видела площадку?..

— Оксана, — сказала я. — Мне нужна ты. И мне нужен адвокат. И мне нужна твоя квартира, потому что домой я пока не лечу.

Пауза была ровно такая, какую бывает у лучших подруг:

две секунды тишины, за которые человек перестраивает всю картину мира.

— Нина. Что случилось?

За стеклом играла музыка. Мимо пробежала та самая девочка с мячом, увидела меня и помахала рукой.

— Именинница, — сказала я, — выйди, пожалуйста, на улицу. Тут накануне годовщины не очень разговаривают.

Глава 3. Карты, билет, человек

Оксана слушала молча четыре минуты — я засекала, глядя на таймер. Потом сказала одну фразу:

— Не подписывай ничего. Вообще ничего. Ни бумагу, ни квитанцию, ни роспись в журнале на ресепшене.

— В журнале на ресепшене, Ксан?

— Именно в нём начинают. Ладно. Высылаю тебе адрес адвоката в Маскате, местного, международное право, фирма аль-Харуси. Оплата с моей карты, карточку я тебе удалённо выпущу на третий день, потерпи. Денег наличными у тебя сколько?

Я посмотрела в кошелёк. Восемьдесят евро и триста риалов — с прошлой поездки.

— Сорок восемь тысяч триста, если считать в местной валюте.

— Ты — гений. Живи скромно дня три. И Нина... — она помолчала. — Он ведь тебя посадил на это место сам. Пригласительное в самолёт не попадает случайно. Кто-то очень хотел, чтобы ты узнала.

Я знала. Я всё знала, лёжа на жёсткой кровати в двухзвёздочной гостинице в Руи, куда добралась на остатки наличных, — и всё равно крутила это в голове до утра: кто заказал белый конверт. Игорь? Он бы не дал мне узнать. Слишком рано узнала — вся его схема с «примирением» трещала по

швам. Халид? Может быть. Или кто-то третий, тот, чьё имя я ещё не знала.

Утром меня ждал первый подарок за эту безумную неделю — маленький, бумажный, но настоящий. Курьер принёс конверт от Оксаны: внутри — новая карта и записка её почерком, круглым, как её вечные булочки: «Помнишь, как мы в Милане ели пасту и ты сказала: "не бывает безвыходных положений, бывают дешёвые отели"? Так вот, это не дешёвый отель, а я рядом. Держи хвост. Твоя Ксан». И к записке был приклеен пакетик настоящего лондонского чая — того самого, который я пила дома, в своей заложенной квартире, по утрам, глядя на герань.

Я заварила его в кружке гостиницы, села на кровать, обхватила ладонями тепло — и впервые за два дня выдохнула. Мир ещё не рухнул. Мир вообще не рушился: рушился Игорь, а мир стоял и даже присылал чай.

С этим чаем в крови я и поехала в аэропорт.

— Не лети туда, — сказала Оксана. — У них там всё схвачено, ты только себя засветишь.

— Оксан. Меня засветили по полной программе. Осталось посмотреть, как выглядит рамка.

Билет у меня был электронный, из почты. Я открыла приложение на стойке регистрации — статус «Отменено пассажиром».

— Я не отменяла, — сказала я девушке за стойкой.

— Пометка в системе — от имени клиента, по звонку,

проверка пройдена. Дата отмены... — она прищурилась, — второй день, одиннадцать двадцать. В это время вы были в Маскате?

— Я в Маскат прилетела в полдень этого дня.

— Значит, звонок был до вашего прилёта, — сказала она с той мягкой беспощадностью, с которой носители формы сообщают людям плохое. — Пойдите в отдел транзитного контроля, они объяснят дальше.

Отдел транзитного контроля объяснил. Молодой офицер, уставший, вежливый, с бейджем смотрел мой паспорт дольше, чем положено.

— Мисс, вы фигурант корпоративного спора. На вас открыто дело в коммерческом суде, с вас истребуют обязательства по учредительному договору. Вы покидать страну сейчас не можете. Ограничение до разрешения спора.

— Сколько это может длиться?

— По практике — от четырёх месяцев, — сказал он без злобы, как сообщают погоду.

Четыре месяца. В чужой стране. Без денег. С заблокированными картами, с аннулированным билетом, с делом, в котором я «учредитель» компании, созданной три недели назад, пока я подписывала согласие на соучредительство в другой версии реальности.

Я вышла из здания аэропорта и позвонила по номеру, который Игорь дал мне «на всякий случай» ещё полгода назад — «мой партнёр по местному проекту, если что, звони, он

всё уладит». Халид ас-Саид. Человек, заказавший пригласительное.

Он приехал через сорок минут — в лёгком костюме, с холодными ладонями и улыбкой человека, который очень хорошо выспался.

— Мисс Нина! Ну наконец-то. Вы меня знаете?

— По фотографиям. Вы заказали типографию в Эр-Рувис. Красивое тиснение. Атласная лента — мой любимый штрих.

Улыбка не дрогнула. Это я отметила с профессиональным уважением.

— Пройдёмте, я угощаю вас кофе. У нас тут, знаете, принято: любое дело сначала пьём кофе, потом обсуждаем. Кофейня прямо в терминале, двадцать минут, и вы свободны.

Мы сели у окна. Он заказал кофе по-арабски — маленькие чашки, финики, кардамон. Разлил сам, движениями хозяйскими, уверенными.

— Скажу прямо, вы женщина взрослая, — начал он. — Игорь — нехороший человек в личном. Ну, бывает. Но в деловом — вы оба партнёры. У вас общие обязательства, общие риски. Мы, местные партнёры, предлагаем цивилизованное решение: вы подписываете соглашение о примирении. Взаимные отказы от претензий, вы берёте на себя долю ответственности, — он положил на стол тонкую папку, — здесь всё честно расписано. Подписали, мы платим ваш билет, снимаем ограничение, вы улетаете в Лондон через три

дня. Красиво, да? Никаких судов, никаких скандалов. Семья — это святое, мы же не хотим позорить семью?

— Чью семью? — спросила я. — У него, между прочим, их две. Может, начнём с той, что поменьше?

Он осторожно придвинул папку чуть ближе.

— Здесь десять страниц. Читайте медленно. И Нина, — он впервые назвал меня без «мисс», и это было хуже любого крика, — подумайте о квартире в Лондоне. Ипотечные обязательства в нашей юрисдикции... они гибкие.

Я открыла папку. Десятая страница, место для подписи. Рядом — уже стояла моя подпись. Скопированная с одной из тех одиннадцати доверенностей, аккуратно, с правильным наклоном, и от этого — страшная. Моя рука, чужая воля.

Я закрыла папку.

— Красиво, — сказала я. — Кофе отличный. Финики тоже. Папку оставляю себе.

— Папку оставьте, — легко согласился он. — Сувенир.

Я встала. Он остался сидеть, отпил кофе и, уже отвернувшись, сказал — тихо, в спину:

— Нина. Через два дня ваш отель всё равно будет наш. Подписывайте сегодня — будет дешевле.

Ваш отель.

Я обернулась.

— Какой отель?

Он поднял на меня глаза — и в них впервые мелькнуло что-то живое. Удивление, что я не в курсе, и лёгкое раздра-

жение, что мне приходится объяснять очевидное.

— Аль-Харуси. Запуск. Тот проект, ради которого ваша... — он осёкся, — ради которого Игорь вас и привёз. Вы же думаете, двоежёнство — это про любовь? Нина, это про тендер.

Он собрал свои длинные руки, кивнул официанту — счёт закрыт, всё оплачено, хозяин жизни, — и вышел в поток прилетающих и улетающих. У двери его перехватил человек в белом — что-то сказал на ухо, Халид обернулся, посмотрел на меня ещё раз, и они ушли вместе.

Я осталась сидеть с чужой папкой в руках и чашкой остывшего кофе.

«Аль-Харуси» я не знала. Запуск — не знала. Но слово «тендер» с человеком, который привёз сюда меня и мои подписи, сложилось в схему, от которой похолодели ладони: я была не женщиной. Я была подписью. Функцией в чужом бизнес-плане, у которой втридорога залог и удобная биография.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, без приветствия:

«Мисс Нина Савельева-на-бумаге. Меня зовут Джамиль, я работаю на господина аль-Харуси. Господин аль-Харуси просил передать: он слышал о вас больше, чем вы думаете, и он будет ждать вас завтра в одиннадцать в лобби отеля "Аль-Фаладж". Одна встреча. О машине позаботятся».

Я перечитала трижды. Между строк не было ни тепла, ни

угрозы — только констатация, как расписание поездов.

Меня вызывали. Как вызывают пешку, у которой обнаружились ферзевые перспективы.

Я смотрела на экран, и где-то на дне, под страхом и злостью, шевельнулось очень старое, очень профессиональное любопытство:

Кто ты такой, господин аль-Харуси, чтобы знать обо мне больше, чем я знаю о себе?

И — главное — что именно ты слышал?

Глава 4. Ультиматум Тарика

Машина приехала в десять сорок: чёрный седан, водитель в белом, ни слова за всю дорогу. Мы шли вдоль берега — город по утрам был пустой и медовый, мечети ещё допевали, пальмы стояли, как часовые, и я, глядя на белые стены за стеклом, ловила себя на том, что репетирую речь.

Господин аль-Харуси, я знаю, зачем вы меня вызвали. Давайте сэкономим время: я не подписываю, я не уезжаю, и я не «слабое место». Я — тетя Роза с Гагарина, я четыреста свадеб, и я...

Лобби отеля «Аль-Фаладж» проглотило меня вместе с этими мыслями. Мрамор, вода в длинных чашах, запах — оуд и свежий хлеб из пекарни, странная пара, но работающая. За стойкой — восемь человек, все повернулись одновременно. Так не бывает в обычных отелях. Так бывает, когда персонал знает: сегодня входит та, о которой спрашивал хозяин.

Его я увидела сразу, хотя он не выделялся. Стоял у окна, спиной к залу, разговаривал по телефону на арабском — тихо, короткими фразами, и слушал больше, чем говорил. Когда я подошла ближе, он не повернулся. Сказал в трубку: «Сделай», — и отключился, и только тогда обернулся.

Тарик аль-Харуси. Тридцать четыре, но держится так, будто лично подписал этот залив вместе с администрацией пор-

та. Высокий, сухой, в белой рубашке без галстука — и часы, которые я узнала по каталогам, потому что дважды организовывала свадьбы, где на подарок жениху собирались год. Волосы тёмные, взгляд — не смотрящий, а взвешивающий.

— Мисс Савельева, — сказал он. Не протянул руки. — Пройдёмте.

Он пошёл через лобби, и люди расступались с той тихой механикой, по которой видно: не впервые. Привёл меня в кабинет на втором этаже — окно во всю стену, вид на залив, на столе два кофе и папка.

Он сел напротив и сказал без приветствия:

— Три дня назад вам заказали пригласительное на годовщину вашего жениха. Заказали через типографию, через курьера, в самолёт. Это не Игорь — Игорь хотел, чтобы вы узнали позже, когда подпишете. Это Халид — он торопился и сломал вам сценарий раньше времени. Скажите, — он подался вперёд, сложив пальцы, — вы понимаете, что произошла ошибка? Не против вас. Против их схемы. Они потеряли темп.

— Я не подписала, если вам это важно, — сказала я.

— Я знаю, что вы не подписали. Я читаю ваш банк, вашу почту и ваши сны, мисс Савельева, если они хоть как-то документированы, — сказал ровно, и я не смогла понять: шутка или нет. Лицо не шутило. — Поэтому садитесь и слушайте. Потом будете задавать вопросы. Потом — я обещаю — я на них отвечу. Договорились?

Я села.

— Игорь Савельев приехал в мою страну два года назад. Умный, обаятельный, без капитала — но с вами, — он кивнул на папку. — С залогом, с подписями, с репутацией организатора, которая открывает двери. Он привёз вас как актив. Доверенности он оформил через лондонского нотариуса — тоже через своего человека, всё красиво. Квартира ваша — под залогом его долга. Соучредительство — под его контролем. Долг на вас — чтобы вы не могли уехать и махнули рукой: берите всё, лишь бы отстали. Он строил это полтора года. Аккуратно.

— Зачем ему отель? — спросила я тихо.

— Ему не нужен отель. Ему нужен мой тендер. — Аль-Харуси встал, подошёл к окну. — Я строю большой объект. Пятьсот номеров, спа, конгресс-холл. Совет холдинга выбирал партнёра по международному сегменту. Игорь выиграл предварительный этап — с вашей подписью под учредительными документами и с вашей репутацией в портфолио. А потом его партнёры, — он повернулся, — те самые, что пили с вами кофе, — решили не делиться. Сломать его через вас. Забрать проект самим. Вы — не невеста, мисс Савельева. Вы — ствол, на котором записан весь этот дом.

В зале было тихо. Внизу, под окном, шли рабочие, раскатывали ковровые дорожки, и я смотрела на них, потому что смотреть на него было нельзя — лицо сейчас подвело бы.

— Что вы хотите от меня? — спросила я.

— Работать.

Я подняла глаза.

— Простите?

— У меня разваливается запуск. Мне нужен человек, который умеет делать мероприятия уровня «свадьба века», и нужен позарез, до открытия — одиннадцать недель. Вы — лучший из тех, кого я мог достать, и, как назло, самый проблемный. Поэтому вот мои условия. — Он сел на край стола, совсем близко, и я почувствовала запах его одеколона — дерево и перец, ничего сладкого. — Первое: вы живёте в служебном крыле этого отеля, это не обсуждается, в городе вам небезопасно — Халид уже вас посчитал. Второе: вы работаете у меня консультантом запуска, официально, с контрактом, я плачу вам столько, что вы сможете послать Игоря с его бумагами через месяц. Третье: вы молчите о схеме. Публично — вы просто специалист, которую я нанял. Ваши документы, ваш спор с Савельевым — моя проблема, не ваша. Я его разберу. По винтику. Медленно.

— А я?

— А вы — четвёртое условие. Вы не делаете глупостей. Не звоните журналистам, не летите в полицию, не встречаетесь с Халидом, не подписываете ничего. Ничего. Даже счёт в кофейне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.